

Лиза Олдоак

WICKED GAME. История двух ночей

Пролог

Прошло ровно 50 дней с тех пор, как я стала группы¹. Это слово, таящее в себе страсть к развлечениям, азарт и даже нотку сумасшествия, применимо ко мне после ночи, проведённой в Москве с одним из музыкантов довольно успешной немецкой рок-группы.

Меня зовут Эмма, мне 23 года.

До личной встречи с Ральфом (именно так зовут этого белокурого барабанщика) мы почти полгода общались на Facebook, где, в общем-то, и познакомились, плюс WhatsApp. Переписка с человеком высокого уровня популярности, к тому же иностранцем, была для меня на тот момент одним из самых удивительных в жизни приключений. Я лелеяла тайную надежду встретиться с ним после их ближайшего концерта в России, однако до конца сама не верила в такую возможность: мир рок-музыкантов и группиз был

---

¹ Группы — поклонница музыкальной группы, сопровождающая кумиров во время гастролей.

для меня ещё новым, неизведанным.

Тем не менее по мере приближения даты шоу моя убежденность крепла. Манера общения Ральфа становилась всё более откровенной; от таких тем, как музыка, работа, увлечения, мы постепенно перешли к обсуждению *нас*, и однажды он написал:

«Эмма, ты мудрая, интересная девушка, мы непременно должны увидеться. Я правда хочу с тобой пообщаться».

Сообщение привело меня в восторг, и я начала планировать поездку в столицу. С особой тщательностью. Ведь, помимо покупки билетов и бронирования комнаты в гостинице, мне следовало позаботиться и о своём внешнем виде! Я ужесточила питание и тренировки, а ближе ко дню икс записалась в салон красоты: при встрече со звездой хочется выглядеть идеально, не так ли? Единственное, что меня всё ещё беспокоило, так это уровень владения английским (мостиком между мной и немцем), но я утешала себя тем, что в случае чего просто перейду на язык тела (о, я, разумеется, понимала, что значит слово «пообщаться» из уст рок-музыканта...).

На концерт я явилась в компании двух приятелей, с ними же ближе к полуночи отправилась в паб, чей адрес сообщил мне Ральф, — там с несколькими российскими поклонницами группа отдыхала после выступления.

И вот в этом-то пабе... Первая встреча глазами с Ральфом, первое общение с зарубежными рок-звездами, первое объятие именитого иностранца... Сквозь призму алкоголя, танцев и сигарет мои глаза, ещё невинные, наблюдали столичную вечеринку с непритворным, почти детским любопытством. Одновременно внутри меня занимались ростки болезненного высокомерия: «Эй, я же подцепила музыканта, я провожу время с рок-группой, я смогла!..»

Мы веселились всю ночь, после чего поехали в отель, где остановились Ральф и его коллеги. Великолепный номер на 14-м этаже с видом на Останкинскую телебашню, первый поцелуй — у окна, и... на чистейших белых простынях широкой кровати восторженную меня затянуло в порочный тоннель, в конце которого я не хотела видеть свет.

* * *

К слову сказать, той ночью в пабе со мной познакомился парень по имени Кирилл (тоже поклонник этой группы и NDH² в целом) —

---

² NDH — Neue Deutsche Härte (с нем. — «Новая немецкая тяжесть»). Направление в немецкоязычной метал-музыке, возникшее в 90-е годы, для которого характерны глубокий и чистый вокал, лирика преимущественно на немецком языке и

высокий, крепкий, русоволосый, на чьём лице играла дружелюбная, белоснежная улыбка. Смело, безо всякого стеснения он подсел за столик ко мне и моим приятелям и завёл беседу о музыке. Спустя несколько минут бестактно поинтересовался, не являюсь ли я девушкой одного из них, и, получив отрицательный ответ, воспринял это как зелёный сигнал светофора: угощал меня коктейлями, звал на улицу курить и болтать. А я флиртовала с ним в ответ, дабы издали показать Ральфу, что не так уж проста и на меня есть «спрос».

В конце концов я, конечно же, вверилась немецкому барабанщику, а Кириллу только и оставалось, что, проводив нас до такси, сказать на прощание:

— Ральф, Эмма — хорошая девушка, точно тебе говорю.

И пожал ему руку.

Чуть позже Кирилл нашёл меня в социальной сети, и наше общение продолжилось. В какой-то момент оно стало таким доброжелательным и тёплым, что он начал называть меня дочерью, а я его — отцом. Для меня этот парень достиг того уровня доверия, при котором я решилась честно ответить ему на вопрос, что значит красная нить

вокруг моего правого запястья. Я не люблю об этом говорить и по-прежнему таю от многих правду...

Что же до Ральфа, то утром в Москве, к моменту нашего вынужденного расставания, я была совершенно очарована им, да и он мной... Грустные улыбки и неподдельные взгляды говорили сами за себя. Но каждому нужно было идти своей дорогой. В течение месяца после даты концерта мы силились поддерживать чувства и страсть с помощью переписок. Даже обменивались посылками из-за рубежа! Но время и расстояние оказались сильнее. Огонь между нами неумолимо угасал, оставляя только горстки пепла — воспоминания.

* * *

Была в этом приключении ещё одна деталь, о которой нельзя теперь не упомянуть.

Примерно через неделю после концерта я случайно завладела любопытной, но крайне досадной информацией. Информацией, приведшей меня к мысли, что мир рок-музыкантов и группиз жесток и в нём нет места чувствам.

Дело в том, что ровно за 24 часа до меня, в Санкт-Петербурге, Ральф провёл ночь с другой своей поклонницей. Не по своей инициативе, а волей обстоятельств я получила ссылки на её

личные профили в социальных сетях. Виолетта. 20-летняя Виолетта.

Совсем не похожая на меня, раскованная, рыжеволосая, с дерзким взглядом и уверенной челюстью, эта девушка произвела на меня сильное впечатление. Я почти ежедневно просматривала её фото, упиваясь волнующей, горячащей кровь мыслью, что мы с ней так близки, но при этом... незнакомы.

«Она нравилась Ральфу, значит, может понравиться и мне...» — проносилось иногда в голове.

Я не понимала, что испытываю к этой девушке, — это было новое и нечто странное, но я снова и снова листала её фотографии. Снова и снова.

Итак, с тех пор как я стала групппи, прошло ровно 50 дней.

Часть I. Иллюзия

1

Я скучаю по тем эмоциям, что подарили мне Москва и встреча с рок-музыкантами. Мне кажется, я хочу ещё. Неужели подобные тусовки — сорт зависимости? Себя я привыкла считать (и всё ещё считаю) девушкой скромной и неиспорченной, вот только как я буду выглядеть со стороны, если продолжу увязать в этом болоте — соблазнительном по ночам, но несущем боль потери наутро?

Вне всяких сомнений, Ральф что-то успел привить мне: пустил по венам порченную кровь, как тату-мастер вводит краску под кожу. Должно быть, поэтому я не могу свернуть с выбранного пути, пусть даже он оканчивается тупиком или пропастью.

Я сижу за компьютером и, с головой погрузившись в биографии популярных NDH-коллективов, чувствую себя обезумевшей хищницей. Мне нужна новая «жертва» — группа, которая бывает в России с концертами и любит развлекаться. Вместе с тем внутри нарастает тактичное сопротивление. Голоса совести и нравственности? Да, пожалуй, мне немного стыдно и даже противно от своих действий, однако это, как

я уже говорила, болото, поэтому удержаться на плаву и выбраться — не получается. Или же я просто не могу найти себе в жизни другое, какое-нибудь полезное занятие... Но об этом говорить ещё сложнее. Наверное, я много теряю, зато, кажется, обретаю себя.

Наконец останавливаюсь на какой-то из рок-команд и сразу же решаю, что моей целью будет барабанщик. Если повезло раз, почему не повезёт и второй? Комментирую новости на их официальной странице на Facebook — чтобы обратить на себя внимание. И тут происходит крошечное по масштабу, но великое по последствиям событие: одну из моих фотографий оценивает вокалист.

Первое мгновение — испуг, ведь это уже немолодой (старше 40-а лет), высокий, с безукоризненным телом и искушающими татуировками мужчина, чьи жадные тёмно-карие глаза и обольстительный голос неизменно притягивают к себе максимум женского внимания, — такая смесь может быть опасна для сердца! Но во второе мгновение я забываю о чувстве самосохранения, и на моём лице проступает искренняя, смущённая улыбка, какую обычно рождает внезапно польщённое самолюбие. Поверьте на слово: вокалисты — цель номер один любой из группы. Это своего рода аксиома.

Еле-еле выдерживаю полчаса, чтобы не казаться чересчур молниеносной, и пишу ему сообщение:

«Жаль, что я никогда не бывала на ваших выступлениях, но в будущем, думаю, смогу это исправить. Береги себя, Марк».

«Надеюсь, увижу тебя в марте», — отвечает он, имея в виду дату ближайшего концерта в России.

Я обращаюсь к Интернету: Санкт-Петербург, 24-е число... Остаётся всего два с половиной месяца — и я с грустью осознаю, что вряд ли успею скопить денег.

«Пожалуй, не смогу. Работа... Но обещаю следовать за тобой в своих мыслях», — пишу я.

«Хорошо. Увидимся в наших мыслях», — эта фраза становится последней в нашем первом разговоре.

Мы даже представить себе не можем, какой смысл она скоро обретёт.

Таким образом, мои планы меняются. Удостоенная вниманием фронтмена, я чётко решаю для себя: «Всё или ничего». Мне больше не нужен никакой барабанщик.

Находя всевозможные поводы, я пишу Марку пару раз в неделю, чтобы, с одной стороны, не казаться навязчивой, с другой — регулярно напоминать о своём существовании. Он не слишком многословен, однако мои сообщения не игнорирует, продолжая плюс ко всему ставить стимулирующие отметки моим фото. Я всё больше сожалею о том, что не обладаю финансовой возможностью попасть на их выступление, но само внимание Марка, пусть даже далёкое, делает меня живой и... счастливой.

Его голос в моём проигрывателе, его образ в сознании перед сном, и мало-помалу я убеждаюсь в том, что Ральф, и Марк, и любой другой немецкий музыкант — только символы, а мои чувства к ним — фальшивка. Я вспоминаю притчу о правителе Израиля Соломоне и его кольце: «Всё пройдёт». Ведь прошло же увлечение Ральфом! «И это тоже пройдёт». Да, когда-нибудь и Марк канёт в прошлое. Мне начинает казаться, что всё, что не вечно, можно смело называть ненастоящим.

Фальшивое, но чувство к Марку постепенно захватывает меня. Заворожённой его сценическим образом, мне грезится, что он одержим, внутри него словно глубокая, бездонная боль и он вымещает её на моих губах. Смертельное электричество. Взгляд, усилие, спазм, и наш поцелуй окропляет первая

капля крови. Мы пьём её оба, губя наши судьбы, чтобы забыть, что всё ещё живём... Каждый вдох, сделанный с мыслью об этом мужчине, напоминает мне глубокую затяжку сигаретным дымом.

Необъяснимые силы будто хотят воплощения моих грёз, и вскоре я получаю сообщение от Кирилла — того самого парня из московского паба:

«Слушай, дочь. В Питер через два месяца одна группа приезжает. Два года их слушаю, столько воспоминаний... Не хочешь съездить?»

Да, он имеет в виду эту самую группу.

Почти не дрогнув, набираю:

«С удовольствием, но у меня нет денег».

И надежды.

«Это не проблема! «Всё включено». Поехали, это же Санкт-Петербург!»

Кирилл намекает, что готов оплатить билеты и проживание, и я не раздумывая соглашаюсь, хотя и догадываюсь, что тем самым подписываю собственный приговор.

Общаясь на тему предстоящей поездки, мы с «отцом» приходим к какому-то нелепому спору на коньяк:

«Если заговоришь с ними, Эмма, будешь должна мне бутылку».

Снова ни о чём не думая, я принимаю и эти условия. Пусть судьба распоряжается, как ей угодно. Тут же намекаю Марку, что всё-таки поеду

на концерт.

«И... у меня есть одна маленькая прихоть», — добавляю я.

«Какая, интересно?»

«Было бы здорово, если бы однажды ты назвал меня по имени».

Вдохновлённая реальной возможностью не только попасть на концерт, но и встретиться с вокалистом, я во власти соблазна. После принятия горячей ванны, перед сном, в каком-то помешательстве вожу пальцем по запотевшему зеркалу.

«Sünder ³ », — смотрит на меня грубое немецкое слово.

3

Водоворот, в который я погружаюсь, усложняется тем, что мои фотографии оценивает Тедерик — барабанщик, на которого я ранее чуть было не нацелилась. Он, что ли, тоже имеет на меня виды? Так не прогадала ли я? Может, с ним всё было бы проще, чем с этим вокалистом-искусителем? Но я не намерена переобуваться. Даже когда Тед пишет: «Я хотел бы

---

³ Sünder — с нем. — «Грешник».

выпить с тобой в Петербурге. Согласна?» — отвечаю непоколебимое: «Пока не знаю. Я буду с отцом».

Все мои мысли занимает Марк, и внутри всё сжимается от необъяснимого страха. Я боюсь, но не знаю, чего именно. Порой мне хочется с размаху пнуть что-нибудь ногой, а затем бежать, бежать вперёд, задыхаясь, бежать на пределе сил, бежать, пока что-то или кто-то не заставит меня остановиться...

Как-то раз Марк называет меня «симпатичной девочкой». С тех пор я не могу избавиться от мысли, что принадлежу только ему и никому больше.

Создавая мнимый эффект его присутствия, запускаю музыкальные видео, где он целует актрис, ложится с одной из них в постель... Вижу себя на их месте и, под впечатлением, не могу удержаться от очередного сообщения:

«Только что смотрела твои клипы. Кажется, они сделали мой вечер».

«И это великолепно», — отвечает Марк, снабжая послание смайлом поцелуя.

Ничтожная мелочь заставляет тело неметь. Мои желания угаданы?... Ночью в сознании рождается откровенное сновидение, которым я не могу не поделиться с Марком наутро:

«Мне приснилось, что ты поцеловал какую-то

девушку, а затем я поцеловала её — просто чтобы успеть почувствовать твои губы...»

«Перестань, ты можешь поцеловать меня напрямую», — дразнит он меня.

И сон и реальность смеются надо мной, провоцируя.

Мне хочется сделать общение с Марком обыденным, доверительным, но он не Ральф, он не поддаётся. Всё, из чего складываются наши переписки, — флирт с недвусмысленным сексуальным подтекстом. Это уязвляет; я чётко понимаю, что от меня ему нужно немного, и особенно ясным это становится тогда, когда он, подмигивая через смайл, пишет:

«Мы с тобой можем повеселиться в Петербурге. И переспать».

Он издевается.

Вместо интима в ответном сообщении я обещаю какие-то вкусные конфеты, и это даже смешно. Но я их так и не куплю.

Я знаю, что ситуация давно вышла из-под моего контроля. Марк хуже, грешнее, циничнее Ральфа. Мы не родственные души с этим вокалистом, я всего лишь чувствую, что он хочет меня, я его тоже, и это губительно. Он как акула на моём крючке, которая в итоге перевернёт мою лодку и уплывёт в поисках новой жертвы. Впервые за последние четыре года инстинкты отдали меня

во власть мужчины, и меня это раздражает. Я презираю Марка за поведение, но ночами, засыпая, представляю, как он целует меня.

4

Примерно за месяц до концерта мы с Марком начинаем обмениваться фотографиями, и я получаю приятные комплименты. В какой-то момент неверно толкую смысл одного из его сообщений и вдруг выдаю себя, почти в открытую заявив, что хочу его. Спустя секунду спохватываюсь:

«Прости, кажется, я должна изменить направление своих мыслей...»

«Нет, это отличная мысль... Мы сделаем это. Совсем скоро», — уверен он.

«Значит, неизбежность? Ха-ха, посмотрим», — я всё ещё пытаюсь взять контроль.

«Хм, «посмотрим»? Нет... «Да, мы сделаем это», — вот что ты должна сказать», — рушит он мои попытки.

«Мы сделаем это, если ты произнесёшь моё имя... Потому что я люблю, как оно звучит. И тогда...» — я сдаюсь.

«Вот, отлично... Ты моя», — и переписка логично завершается. Но как-то не в мою пользу...

Через пару часов Марк решает продолжить наш диалог:

«Рабыня Эмма», — и шлёт улыбающийся смайл.

«Э-эй! А если я захочу быть сверху?» — продолжаю сопротивляться.

Дело в том, что игры во власть и повинение — не для меня. Гораздо комфортнее я чувствую себя с мужчиной на равных.

«Никаких шансов. В моей постели ты подчиняешься», — пишет Марк.

Ну вот.

«Спаси меня от себя ...» — набираю я совершенно искренне. Это практически мольба.

«Моя постель — мои правила. Выбирай!»

Как же он непреклонен. С Ральфом было легче.

Я долго не могу подобрать нужных слов для ответа: с одной стороны, хочу иметь хоть какие-то права в нашем «деле», с другой — уже не в состоянии ему прекословить. Наконец пишу:

«Я выбираю тебя, но боюсь насилия».

Марк меня немного успокаивает:

«Я не садист, просто люблю доминировать».

«В таком случае я могу принять твой темперамент... Но всё равно мне немного страшно», — откровенничаю я.

«Тебе нечего бояться... Я джентльмен».

Моё лицо наконец озаряется улыбкой.

«Хорошо», — пишу я.

Не остаётся сомнений, что все эти полтора месяца не Марк был добычей под моим прицелом, а я шла прямо на ружьё, забыв об осторожности.

Последующие дни со мной происходит нечто, что можно назвать «бесконтактным сексом». Играя в сумасшествие, я физически чувствую Марка в себе, но при этом мне его не хватает.

Фото, которыми мы обмениваемся, становятся всё более откровенными. Немец пытается уломать меня на большее, но я не раздеваюсь. Пожалуй, это единственное, в чём я не потакаю желаниям вокалиста.

Чуть позже, по его инициативе, отправляем друг другу короткие видео: он пьёт виски, я курю. Надо мной и Марком будто небо, сотканное из грехов, и на нём ни единой звёздочки праведности.

«Мне нравится, как ты выглядишь», — резюмирует он и оставляет номер мобильного.

Чтобы разомкнуть цепь бесконечных грёз о Марке, я отправляюсь в гости к родственнице. С лёгкой подачи алкогольного коктейля мы беззаботно болтаем, смеёмся, курим, фотографируемся... Я стараюсь не думать о сломившем мой дух рок-музыканте. И вдруг кузина спрашивает:

— Эмма, а почему тебе взрослые мужики нравятся?

— У меня же... отца не было, — после

секундного раздумья отвечаю я и вновь вспоминаю о Марке и его грязных намерениях. Когда же это кончится?...

Время движется вперёд, дата выступления приближается, и в одно прекрасное утро я просыпаюсь от звука уведомления в WhatsApp. Это «мой» вокалист:

«Эй, уже на следующей неделе!»

«Да...» — отвечаю я и улыбаюсь, не выпуская из рук смартфон.

У меня какое-то предчувствие. И оно не обманывает. Потому что следующее сообщение Марка губит меня окончательно:

«Вот что: мы с тобой поиграем. Обещай молчать до нашего первого поцелуя».

Моё воображение истерзано до предела; *так* со мной ещё никто не обращался... Я чувствую Марка в себе всё острее, но, чёрт возьми, мне так не хватает его присутствия!

Вечером, лёжа в тёплой, расслабляющей ванне, которая, к сожалению, не расслабляет узла моих мыслей, я беру лезвие и делаю убогую ошибку.

Левое запястье окрашивается в красный цвет.

Это было глупо и неосмотрительно и, кроме попытки отвлечься, не таило в себе никакого подтекста. Я обманываюсь. Я, может, зря живу нечистой страстью, выдуманной только для того, чтобы наполнить жизнь новым впечатлением. Но уже поздно убивать эту иллюзию.

Мы с Марком считаем дни до нашей встречи. Я переписываюсь и с Кириллом, однако воспринимаю его лишь как лодку, которая переправит меня на берег грехопадения. Остаётся неделя до события: в первую ночь группа устроит вечеринку в одном из клубов Петербурга, а на следующий день даст рок-концерт.

Весна преподносит себя ровным, прохладным дождём, и я наслаждаюсь им, как ласками Марка — того, кого хочу. Свежие капли скатываются с прядей волос, замирая на шее, а когда дождь касается губ, я испытываю блаженство. «There's only one way to soothe my soul⁴», — вспоминаю строчку из песни Depeche Mode. «Скоро, очень скоро мы будем рядом», — думаю я и утешаюсь.

---

⁴ There's only one way to soothe my soul — с англ. — «Есть только один способ утешить мою душу». Слова из песни Depeche Mode.

«Я свободен в ночь с 22-го на 23-е марта. Приезжай — проведём её наедине», — пишет Марк.

Но я отказываю:

«Смогу быть только в следующую. Как насчёт раннего утра после вечеринки?»

«Ладно, но у нас будет меньше времени. Ты уверена, что не сможешь приехать, когда я сказал?»

«К сожалению, нет».

«О'кей, скоро увидимся. И помни о нашем договоре».

«Обещаю».

Я лгу; я могу приехать и 22-го, но предпочитаю не видеть Марка до выступления. Мне кажется, что, овладев мной, он станет равнодушным, а я не хочу из-за этого страдать, наблюдая потом, как на вечеринке и после концерта он раздаёт автографы и обнимает поклонниц.

Семь, шесть, пять, четыре, три, два...

«Ночами я думаю о тебе».

«А я о тебе. Приятных снов».

Часть II. Ночь первая

1

Поезд уносит меня в Санкт-Петербург. Я чувствую себя бездушным, но симпатичным подарком, перевязанным красной ленточкой, — Марк ждёт свой «заказ». Идеальная эпиляция, SPA-тело, маникюр, педикюр... Я в нужной степени истощена диетами и тренировками. У меня нет терпения, но за игрой в карты с четырьмя соседями по вагону время летит чуть быстрее.

Мы оба знаем, что первую ночь в России Марк проведёт *без* меня, и остаётся только догадываться, как именно.

Прибыв в город, я отправляюсь в гости к знакомой до одной из конечных станций метро. Надя тепло встречает меня, я принимаю душ, и мы засыпаем до полудня. Одеяла не хватает, чтобы укрыть ступни, — они мёрзнут, и это вызывает в моём сознании тревожные сновидения. Чай, кофе, молоко (ничего не ем из-за волнения), и теперь я должна встретиться с Кириллом, чтобы найти нам общую крышу над головой на уикенд.

Я, конечно, отдаю себе отчёт в том, что у него симпатия: «отец» готов тратить на меня крупные суммы денег, и, кажется, его совсем это не беспокоит. Понятия не имею, чем он зарабатывает в

Москве, — я должна быть осторожнее! Впрочем... Впрочем, я многого перестану бояться в эти петербургские дни.

В компании Кирилла я пью розовое вино в кафе В*** и договариваюсь о жилье. Нам везёт: отель расположен в одном дворе с клубом, где пройдёт сегодняшняя вечеринка. Клубом, где я впервые увижу Марка и остальных.

Располагаемся с «отцом» в номере. Здесь я пью уже только воду: ничего другого не хочется, я слишком взволнована.

В салоне поблизости мне делают незатейливую причёску и естественный макияж. Герр Кайзер, ваш «заказ» почти готов...

До вечеринки остаётся несколько часов. Кирилл забивает сигарету какой-то дрянью — я отказываюсь, чтобы потом не бояться пить в клубе. Выхожу в коридор, где Wi-Fi тянет лучше, забираюсь с ногами в одно из кресел, и мы с Марком начинаем дразнить друг друга.

«Ну привет. Жду фото», — открываю я его сообщение.

И мне приходится вновь идти в номер, чтобы сделать селфи у зеркала. Затем возвращаюсь в кресло, пара секунд — и фотография отправлена.

«Сладко... Но нужно ещё», — требует Марк.

Я догадываюсь, что он ждёт чего-то более откровенного, и для следующего снимка

приподнимаю футболку, чтобы показать нижнее бельё. Вернувшись в коридор, отправляю и это фото, добавив:

«Надеюсь, теперь достаточно».

«Ха-ха, никогда», — отвечает Марк.

«Но, раз уж я выполнила твою просьбу, сделай и ты для меня кое-что», — прошу я.

«Чего ты хочешь?»

«Пусть в твоей гостинице будет красное вино для меня».

«Тебе нужно напиться перед сексом?» — смеётся он.

«Нет... Не всегда... Я просто люблю красное вино, вот и всё».

«Хорошо, посмотрим».

В момент короткой паузы я несколько раз пробегаюсь по нашим сообщениям, наслаждаясь каждой фразой рок-музыканта. Улыбаюсь и чувствую, как волнение смешивается с возбуждением.

Вздрагиваю: новое сообщение. Он.

«Ты же помнишь, что молчишь до нашего первого поцелуя?»

«Конечно», — отвечаю я, ведь тоже жажду этой интригующей игры.

«Впереди отличная ночь, мы повеселимся! Наша группа выдвигается в клуб около полуночи. Я буду диджеем в 2:00», — сообщает Марк.